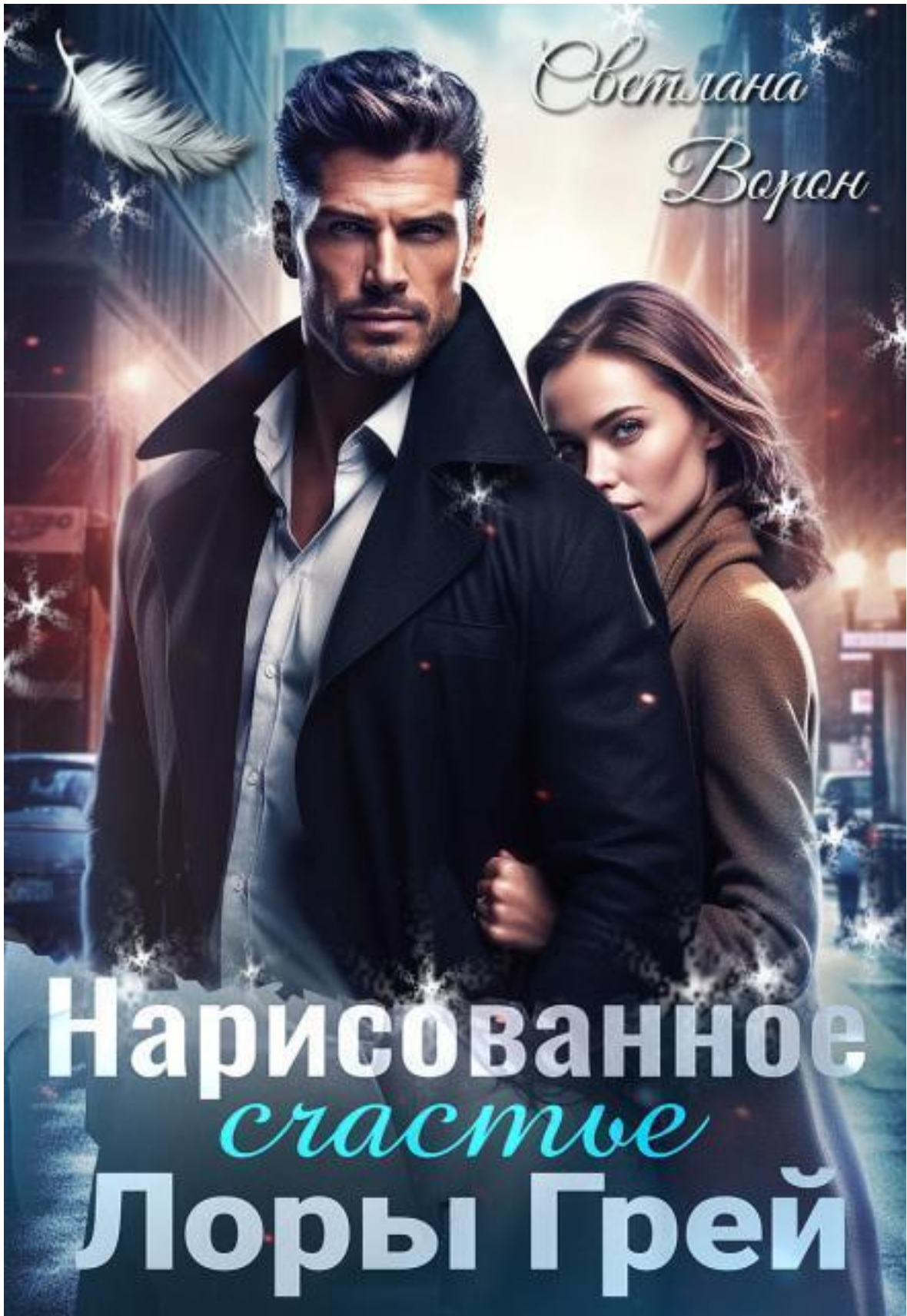

Светлана
Верон

Нарисованное
счастье
Лоры Грей

Светлана Ворон

Нарисованное счастье Лоры Грей

«Литнет»

2022

Ворон С.

Нарисованное счастье Лоры Грей / С. Ворон — «Литнет», 2022

Измена мужа разрушила нашу идеальную семью, но случайная встреча с другим мужчиной перевернула мир с ног на голову. Он – частный детектив. И уверяет, что я – ангел, а мой муж – демон. Притяжение между нашими видами естественно и непреодолимо. Если это правда, то мое влечение к детективу можно объяснить только одним: он тоже не человек. От автора: это добрая, зимняя, рождественская сказка в современном мире) Немного драматичная поначалу, но в итоге светлая и со счастливым концом. С капелькой сверхъестественного, в которое каждый из нас может поверить, а что еще нужно в такой праздник? Герои - люди, обладающие небольшими сверхъестественными способностями. Обязательно подписывайтесь на автора, чтобы быть в курсе новинок - они планируются!

© Ворон С., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	8
Часть 3	11
Часть 4	13
Часть 5	16
Часть 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Часть 1

- Разве ты не знаешь, Лесси, насколько опасны такие парни? – возмущенно тыкала я пальцем в окно, на ждущего внизу высоченного парня в кожаной куртке с цепями и заклепками – типичного образчика «плохой компании». – Кто он? Как ты могла сесть к нему на мотоцикл?! О чем ты вообще думала?

- Да не волнуйся ты так, ма-ам. Его зовут Кевин, и он нормальный.

Дочь у меня, конечно, росла красавицей: яркие голубые глаза и волнистые светлые кудри, вся в отца. Но ума ей это, по всей видимости, не прибавило.

- Тебе пятнадцать! – напомнила я строго. – А ему... сколько, глубоко за двадцать?

- Мы с Кевином учимся в одной школе, ему семнадцать, - упрямо оправдывалась дочь, абсолютно не отдающая себе отчета в последствиях.

- Какая разница? Он почти совершеннолетний, а ты и близко нет!

- Мы ничем таким не занимаемся, - залилась Лесли румянцем, и я предположила, что они уже как минимум целовались.

- Сомневаюсь, что он собирается ждать три года, пока ты повзрослеешь! – ругалась я.

- Ой, все! - картинно закатила дочь глаза и, игнорируя мой тяжелый взгляд, кокетливо помахала этому Кевину из окна, после чего быстро удалилась в свою комнату, оставив меня кипеть в одиночестве.

Вот и все, закончилась мое безоблачное время как матери, думала я, раздраженно наблюдая, как здоровенный парень, ростом под два метра, садится на байк и отъезжает как ни в чем не бывало. Как будто встречаться с девочкой пятнадцати лет – нормально.

Что он о себе возомнил? Если даже случится чудо и он не соблазнит раньше положенного мою дочь, все равно следовало навести справки о том, кто он такой, и поговорить с его родителями.

Я очень ценила покой и стабильность в нашей дружной семье. Мы жили хорошо: муж держал сеть спортивных магазинов в Бостоне, что позволяло нам иметь большую квартиру в центре города.

Был у нас еще и дом на берегу океана, но Малкольм устроил из него базу для серфинга, и мы бывали там изредка летом на выходных.

О доме в маленьком канадском Босвиле, оставленном мне родителями, никто никогда не заговаривал: городок был слишком малонаселенным и холодным, чтобы захотеть там обосноваться.

Мы с Малкольмом создали семью сразу после окончания школы и оставались вместе уже шестнадцать лет, но он до сих пор делал меня счастливейшей женщиной на земле. Лучшего супруга нельзя было пожелать: я могла заниматься любимым хобби в свободное от домашних обязанностей время, и Малк всегда с восхищением любовался моими творениями.

Лесси отлично училась, с ней не было никаких проблем. До сегодняшнего дня.

И я поторопилась сообщить недобрые вести вернувшемуся с работы мужу, как только он появился в дверях. Я верила, что наша семья идеальна, такой она и должна оставаться всегда.

Об этом свидетельствовали десятки вышедших из-под моей кисти полотен, за годы нашей совместной жизни я развесила их на стенах. Вместо модных фотографий – картины. На них на всех мы были изображены счастливой семьей в разные периоды жизни, и ничто не могло поколебать надежности очага.

Сколько минуло лет, а я все еще с восторгом смотрела в ясные голубые глаза мужа и откликалась на его лучезарную улыбку. Малкольму перевалило за тридцать, и он все еще оставался чертовски обаятельным, неизменно привлекая внимание представительниц слабого пола, и когда надевал стильный классический пиджак, и особенно когда вставал на доску для серфинга в облегающем гидрокостюме. Я была счастлива, что он когда-то выбрал меня.

- Лесси? С байкером? – удивленно переспросил муж, сбрасывая блестящие ботинки у входа и быстренько целуя меня в висок, пока я не унеслась по своим делам.

- Ты не понял! Не просто с байкером! С огромным и очень взрослым байкером! – я надеялась, что Малкольм проведет с дочерью серьезную разъяснительную беседу, но он лишь немного нахмурился, недоверчиво улыбнувшись.

- Наверняка ты преувеличиваешь, Лора, - заметив мой грозный взгляд, он уступил. – Беги, ангел мой, я улажу эту проблему. Что сегодня: пейзажи, фонари, улицы?

- Пейзажи, - я подхватила мольберт и краски, кратко чмокнув мужа в сложенные для поцелуя губы. – Пытаюсь укротить лунный свет.

- Верю в тебя, все получится, - махнул он мне, потирая плечо. – Допоздна не задерживайся.

- Естественно.

Я выпорхнула в дверь и направилась к лифту, с теплотой думая о муже. Он всегда одобрял мой интерес к рисованию, подавал идеи для сюжета, оплатил школу искусств, а теперь выставлял мои полотна на продажу в своих магазинах.

Не то чтобы они пользовались спросом, и совсем не приносили дохода, но мне было приятно делать что-то полезное, не превратившись при этом в обыкновенную скучную домохозяйку.

Сейчас я осваивала ночные виды. Лунный свет завораживал меня, и я хотела передать его мистическую красоту. Было сложно найти баланс оттенков так, чтобы картина «задышала», едва видимые на фоне ночного неба деревья «ожили», а лунная дорожка – забликовала, а не потерялась среди белого снега.

Я старалась выходить не очень поздно, но и полный народа парк ранним вечером мне не подходил, для концентрации нужно уединение. Так что я выбирала местечко на самой дальней узкой дорожке, куда не добирались гуляющие парочки, а лишь изредка пробежали запоздалые спортсмены или спущенные с поводка собаки.

Здесь, установив мольберт у скамьи, стоящей напротив заснеженной тропинки, где сквозь расступающиеся деревья светила восходящая луна, я самозабвенно отдавала свое сердце творчеству.

Но я приходила на эту скамейку не только ради пейзажа. Признаться себе в истинной причине было слишком постыдно, но вот уже второй месяц я выбирала для рисования это время и место, чтобы застать одного мужчину, бегающего в парке по вечерам.

Он, как и я, любил уединение, выбирая для своих занятий поздний вечер и самые уединенные аллеи. Стройный и атлетичный, с густыми темными волосами, в облегающей толстовке, он ничем не выделялся среди других.

Однако по какой-то необъяснимой причине мое сердце сжалось и заныло, когда я впервые увидела его движущуюся фигуру издалека, даже не разглядев еще лица. И с того мгновения я с волнением ждала каждого нового вечера, чтобы полюбоваться бегуном снова.

Так что, если быть с собой честной, стоило признать: мой брак не был таким уж безоблачным и счастливым, как я считала. Иначе разве смогла бы я, искренне любя мужа, одержимо преследовать совершенно другого мужчину, которого даже не знала?

Я любила Малкольма и не собиралась рушить наш брак. Мое увлечение было неправильным. Только я пока не знала, как бороться с собой. Убеждала себя, что, подглядывая, я не делаю ничего дурного, и наблюдение – не измена.

Бегун:

Часть 2

Вздохнув, я смешала краски, стремясь быть правильной девочкой и заниматься тем, за чем сюда явилась, а не всматриваться до черных точек в глазах в темный конец тропы в ожидании появления незнакомца. Но масло не ложилось на холст, мысли хаотично и бестолково блуждали по контурам деревьев в вечернем небе и медленно поднимающейся луне.

Играясь, я небрежно накидала на светлом фоне серый силуэт, зная, что потом скрою его слоем новой краски. Сколько раз я так уже делала?

Если подумать, то я уже не могла вспомнить, что было первым: бегущий спортсмен, задевший мои чувства за живое и вдохновивший добавить его в пейзаж, или размытая фигура на холсте, идеально дополнившая пустую дорожку и в какой-то момент совпавшая с реальностью.

Вот и скрип снега от приближающихся шагов, которые я всегда отличала от других.

Я напряглась, повернув лицо к мольберту с сосредоточенным выражением, в то время как глаза мои были обращены на тропинку. С нетерпением и невыносимо щемящей тоской в груди я выхватила из темноты знакомую фигуру, впитывая каждое движение мужчины.

Что может быть особенного в обычном бегуне? Почему у меня так горько, будто плачет, сжимается сердце?

Спортсмен поравнялся со мной, и я отвела взгляд, боясь, что он заметит. Лицо запылало от стыда, но я продолжала с болью вслушиваться в звук ритмичного дыхания.

Во время следующих кругов оно будет учащаться, скорость падать, но мужчина с поразительным упорством сделает десять кругов по парку. И каждый раз я буду тайком смотреть на него, но так и не смогу разглядеть в темноте его лицо, скрытое капюшоном.

Я поняла, что не дышала все время, пока незнакомец пробежал мимо. Как только он скрылся вдали, я схватилась за грудь, пытаюсь выровнять дыхание.

Такая сильная реакция... на кого? Я не знала его. Почему я вела себя так, словно вернулась в школьные годы и вновь стала влюбленным подростком?

Сердце колотилось как ненормальное, и я, уступая внутренней потребности, несколькими штрихами придала яркости силуэту на картине. Он идеально вписывался в композицию, придавая ей живости, и в этот раз я решила его оставить. Размытый набросок моего греха...

С каждым новым кругом я мысленно считала, сколько осталось наслаждаться. Мое сердце снова и снова пускалось вскачь.

Иногда мне мерещилось, что бегун тоже поглядывает на меня, и тогда волосы на затылке поднимались дыбом, хотя я и понимала, что он смотрит на все попавшиеся по пути предметы – не мог же он бегать с закрытыми глазами.

Когда спортсмен сделал десятый круг, я собрала мольберт. Заметно похолодало, аллеи окончательно опустели, детские голоса и собачий лай стихли, и мне пора было возвращаться домой.

На выходе из парка у ажурных ворот продавали хот-доги и напитки, и я решила взять себе минеральной воды, чтобы промочить горло.

- Негазированную, Сэм, - одновременно со мной раздался чуть запыхавшийся хрипловатый голос мужчины и появилась рука в знакомой толстовке. Торопливо бегун положил на прилавок деньги.

Продавец завис, колеблясь, кому из нас двоих отдать бутылку воды, по стечению обстоятельств оказавшуюся последней, в то время как я безуспешно пыталась справиться с волнением. Меня окутало ароматом мужского разгоряченного тела, мускатно-древесным, невероятно притягательным и совершенно не отталкивающим.

Я не должна была смотреть ему в лицо, нет. Уж лучше бы он навсегда остался для меня безликим силуэтом, слегка омрачающим мою красивую и идеальную жизнь, но не разрушающим ее основательно. И все же я повернула голову – удержаться воли не хватило.

Он мог оказаться уродливым, старым или чересчур молодым, или даже просто обычным, ничем не примечательным мужчиной. Это позволило бы мне, наконец, вздохнуть с облегчением, посмеяться над собой и забыть этот странный эпизод моей жизни, наполненный непонятным предвкушением любовного томления.

Но, словно судьба издевалась надо мной, я обнаружила очень интересного мужчину: удлиненное лицо с волевыми скулами и прямым носом, чувственные губы и слегка завывающую шевелюру, растрепанную после бега и сексуально налипшую на высокий лоб. Щетина недельной давности добавляла строгому образу еще больше привлекательности и мужественности.

И со всего этого великолепия на меня смотрели необычайно пронзительные, светло-серые и яркие, точно драгоценные топазы, потрясающие глаза.

- Берите вы, - уступил незнакомец, наверное, решив по моему лицу, что если я не выпью воды, то грохнусь в обморок.

- Нет, что вы, вам нужнее, - взяла себя в руки я, порадовавшись хотя бы за то, что не покраснела, как школьница, а наоборот, побледнела.

- Я настаиваю, - улыбнулось совершенство, заставив меня с досадой прикусить губу из-за того, что я никак не могла найти в нем хоть что-то отвратительное, способное утихомирить взволнованное биение сердца. Я люблю Малкольма, я люблю мужа, мы вместе уже шестнадцать лет!

- Я...

- Бросьте, вы дама, вода ваша, - бегун кинул на прилавок еще купюру и забрал у улыбающегося Сэма бутылку «колы», таким образом заплатив сразу за две.

Я похолодела от мысли, что он меня «клеит», страх тут же клубком свернулся в животе. Насколько далеко я готова зайти? Подглядывать – это одно, знакомиться – уже совершенно другое.

Нервно открутив крышку, я залпом выпила сразу половину бутылки. И только тогда осмелилась снова посмотреть на галантного мужчину: избегая лица, осторожно проследила взглядом линию плеча до длинных пальцев, обхватывающих опорожненную «колу». На безымянном пальце блестело кольцо...

Бегун тоже буравил взглядом мою руку. Он что-то собирался сказать, даже набрал в грудь воздуха. Но затем засомневался и передумал. Избавив меня от мук и сомнений, он просто откланялся:

- Доброго вечера, - и изящным неспешным бегом направился по оживленной и ярко освещенной улице, вскоре затерявшись среди других прохожих. Я вздохнула.

- Рисуете? – не преминул воспользоваться ситуацией Сэм, даря мне обворожительную – так он думал – улыбку.

- Да. Доброго вечера, - поспешила ретироваться я.

Малкольм уже спал, когда я вернулась – он много работал и порой очень уставал. Обычно мы ужинали вместе, и я была благодарна мужу за терпение – он отпускал меня в парк и ни разу не жаловался, что приходится есть одному. Впрочем, Лесли охотно составляла ему компанию.

Я заглянула в комнату дочери, отметившись о приходе. Она сидела в постели, улыбаясь ноутбуку и быстро стуча пальчиками по клавиатуре. Я сузила глаза, не сомневаясь, что на том конце ей отвечает тот сомнительный Кевин. И мысленно дала себе зарок узнать, кто он такой.

Забравшись под теплый бок мужа, я испытала облегчение от того, что он спит – мне не хотелось сейчас общения, нужно было немного побыть в покое и подумать.

Масштабы моей внутренней катастрофы потрясали: я чуть было не познакомилась с другим мужчиной сегодня! Куда бы это меня завело? Смогла бы я ограничиться флиртом, когда б меня соблазняли эти обворожительные топазовые глаза?

Выключив настольную лампу, я, испытывая ужасный стыд, свернулась калачиком. Я даже не пыталась выбросить из головы образ мужчины со стальным взглядом и влажными после бега волосами – я попросту не могла избавиться от него.

Часть 3

За несколько недель я нарисовала пять полотен с вечерним пейзажем зимнего леса и луной, отбрасывающей золотистую дорожку на снегу. Правду говорят, что художнику необходимо вдохновение – и оно у меня было! Бегун исправно появлялся в парке, с десяти до одиннадцати вечера я все с тем же упоением следила за его плавной и упорной трусцой. Только теперь мое увлечение усугублялось тем, что я помнила лицо, и его красота не давала мне покоя.

Возвращаясь домой, я чувствовала себя преступницей и трусливо прятала картину с наброском размытой фигуры за другими, словно была уверена, что муж обязательно спросит, кто это такой. Что мне ему ответить? Я б не смогла врать. А если бы и попыталась, Малкольм понял бы все по виноватому выражению моего лица, и произошел бы скандал. Как бы я оправдывалась? Поэтому спустя какое-то время скрепя сердце я все же замазала на холсте источник моего стыда, несмотря на то, что только с бегуном пейзаж выглядел законченным и наполненным смыслом.

На следующий же вечер после приключения с бутылкой минеральной воды мужчина замедлил бег и даже неуверенно поднял руку, собираясь поприветствовать меня, но я сделала вид, что ничего не заметила. Больше он попыток сблизиться не делал. И я была рада, даже горда собой за то, что остаюсь преданной женой. Не напрасно мы даем клятвы верности перед алтарем, симпатичный незнакомец не сможет поломать мою крепкую и любящую семью! Я выйду победительницей в борьбе со своей темной стороной, сделаю все возможное.

Возвращаясь из супермаркета, который посещала с удовольствием – любила готовить, – я вырулила на нашу парковку и искала свободное место, когда вновь заметила злополучный мотоцикл. Что-то толкнуло меня затаиться и понаблюдать издалека. Я видела, как Лесси выскочила из дверей, раскрасневшаяся от бега по лестнице, в слишком тонких для зимы джинсах и не по сезону легких кроссовках – маленькая, но уже привлекательная для противоположного пола девушка с соблазнительной и еще чересчур юной фигуркой.

Меня разобрала злость, когда этот здоровый слон Кевин сделал ни что иное, как поцеловал мою дочь в губы! Он совершенно не отдавал себе отчет! Мне хотелось вколотить ему силой, что Лесли – *еще ребенок*, и что он должен забыть дорогу в наш дом!

И когда Лесли взобралась за спину байкера – без теплой куртки, к ночи отправляясь с ним неизвестно куда, не предупредив родителей! – и они покатали прочь, у меня закончилось терпение. Я нажала на газ, намереваясь разобраться с ними обоими раз и навсегда.

Когда торопишься, судьба всегда вставляет палки в колеса. Конечно, легковушке невозможно тягаться с маневренным байком на забитых пробками улицах Бостона. Сколько ни пыталась, ни сигналила и ни умоляла, я сильно отстала и потеряла их из виду. Примерно я видела, куда они свернули, но могла блуждать по городу многие часы и не найти их теперь.

Медленно двигаясь вперед по очередной улочке, в сторону которой предположительно увезли мою дочь, я обеспокоено искала глазами припаркованный мотоцикл и молила бога, чтобы не обнаружить этих двоих в каком-нибудь мотеле, которых в этом районе было предостаточно. Мысленно я уже рисовала себе сцену убийства парня или, на худой конец, лишения его мужских признаков.

Мой хаотично блуждающий взгляд зацепился за знакомый автомобиль: иссиня-черная «бмв» с красной полосой по борту и откидным верхом – нечасто встречающаяся модель даже в Бостоне, и потому заметная. Я удивилась, узнав еще и номер, и оглянулась вокруг, озадаченная, что Малкольм мог делать в этом странном месте. Наших магазинов поблизости не было, друзей тоже. Чувство неясной тревоги охватило меня, когда выбежавший в зеленой ливрее стюард сел за руль. Внезапно я забыла о Лесли, а горло будто охватил удушающий жгут. Отель «Годфри» был известным местом для встреч влюбленных парочек...

«Спокойно, Лора, спокойно», - вцепилась я в руль, чувствуя, что у меня сейчас лопнет голова и слезы брызнут ручьем. Наверняка Малкольм одолжил машину другу или у него здесь важная встреча с иногородним клиентом. Не может быть, чтобы он мне изменял! Малкольм Грей был идеальным мужем. Не мог он поступить со мной так... клишировано.

Остановившись на первом же свободном месте у тротуара, я вытащила дрожащей рукой телефон и взволнованно набрала номер, ожидая ответа. Постаралась придать голосу твердости, чтобы он не дрожал, но чувство предательства ядом разливалось в желудке.

- Привет, Малкольм. Ты уже едешь домой?

- А ты разве не пойдешь в парк сегодня?

Я подавила тошноту.

- Сегодня я хотела провести вечер с тобой.

- Прости, Лора, я пока очень занят.

- Чем? – не удержалась я, и голос ослаб. Но если уж начала, нужно идти до конца. – Где ты?

- У нас конференция. Давай, я попозже тебе перезвоню? Люблю, детка.

Он повесил трубку, и я начала задыхаться от боли. Разум сопротивлялся горькой правде: подбрасывал оправдания и причины, по которым конференция в самом деле могла состояться в отеле. Но сердце... сердце обливалось кровью и не хотело быть обманутым.

Улыбающийся швейцар заглянул в мое окно и деликатно помахал рукой, давая понять, что я заняла неположенное место, и я вынуждена была нажать на педаль газа. Перед глазами расплывался туман, я с трудом соображала, что делаю. Что я могла предпринять? Припарковаться чуть поодаль и понаблюдать, с кем Малкольм выйдет из отеля? Или поверить ему на слово и оставить все как есть?

Часть 4

Все решила судьба: я увидела за перекрестком яркую вывеску клуба и тот самый байк, и мои мысли вновь вернулись к защите дочери. Теперь я набрала ее номер.

- Я знаю, где ты, Лесси, немедленно выходи оттуда! – зарычала я, различая оглушительную музыку на фоне.

- Ну, ма-ам, - пробубнила дочь умоляюще. – С Кевином тут безопасно, половина нашего класса тоже здесь. Пожалуйста-пожалуйста... обещаю вернуться не поздно.

Я была не в настроении уступать сегодня.

- Я жду тебя в машине. Немедленно, - процедила я, буравя глазами дверь сомнительного заведения, в которую непрерывным потоком заходили подростки в ярких нарядах, некоторые даже в весьма вызывающих.

У меня заскрипели зубы, когда Лесси выскочила, испуганно ища меня глазами и держа за руку Кевина. Очень хотелось вломить ему прямо сейчас, но я решила, что на сегодня с меня потрясений достаточно.

- Мам, - начала дочь, но, увидев мое лицо, осеклась. У нее хватило наглости попрощаться с этим амбалом! – Ладно, Кев, увидимся завтра.

- Никакого «завтра» не будет! – рявкнула я, сердито втаскивая дочь в машину. В ярости окинула парня тяжелым взглядом.

- Здравствуйте, миссис Грей, - смущенно поздоровался он, совершенно не выглядя озабоченным или опасным – словом, он оказался не таким, каким я его себе рисовала. Но это ничего не значило, ведь Лесли было всего пятнадцать лет.

- Забудь дорогу в наш дом, - предупредила я. – Забудь, а не то будешь иметь дело с полицией!

- Что случилось, мам? – как только мы отъехали, пробормотала притихшая Лесси, хотя я ожидала от нее бунта. – Ты ведь не из-за меня так разволновалась?

Я вела машину, как ненормальная, практически игнорируя знаки дорожного движения и не уступая полосу никому.

- Побег из дома на ночь глядя в клуб, по-твоему, недостаточная причина для волнения?! – накричала я на нее.

Когда мы подъехали к дому, у меня все валилось из рук: пакеты с продуктами не желали вытаскиваться из машины, дверца закрылась только после третьего хлопка, ключ не вставлялся в замочную скважину. Лесли ничего больше не говорила, но поглядывала с опаской – не при- выкла видеть мать такой перевозбужденной. Она даже предложила, что сама приготовит ужин.

Но и сидеть без дела я не могла – места себе не находила. Расставила мольберты и наложила на них свой водяной знак в форме бело-золотого пера. Скривившись, в порыве отчаяния попыталась очистить замазанный силуэт бегуна, чтобы он снова был виден, но вовремя остановила себя – провоцировать скандал не хотелось. Я больше не испытывала вину и не казалась себе изменницей, в отличие от мужа я ничего плохого не сделала! Смотреть на другого ради вдохновения – не преступление.

Убрав готовые картины к стене и оставив одну для доработки, я собрала сумку для очередного похода в парк. Мне нужно было выбраться из дома и забыть свои подозрения как страшный сон. И в то же время – не тянуть, остаться здесь и потребовать у мужа прямого ответа.

Малкольм вернулся, когда я в четвертый или пятый раз одевалась на улицу и вешала пальто обратно.

- Здравствуй, родная.

Я ждала какого-то отличия в его приветствии – не мог же мужчина два часа назад спать с другой женщиной и вести себя после этого как ни в чем не бывало? Но Малкольм был точно таким же, как и всегда – добрым, терпеливым и улыбчивым.

- Все-таки решила порисовать?

- Да, наверное, - внезапно растеряв решимость, промямлила я, принимая поцелуй в висок и в уголок губ со странным измененным чувством: подозрения отравили мое безоблачное счастье, словно грязные мазки черной краски легли на яркий летний натюрморт. – Ты же не стал бы обманывать меня, Малкольм?

- О чем ты? – с искренним недоумением поднял брови он, убирая прядку моих волос мне за ухо и ослабляя свой галстук.

- Где была конференция, Малк?

Он нахмурился, но все еще не выглядел испуганным или виноватым, что неизбежно случилось бы, если бы он лгал. Все так же прямо смотрел в глаза – ничто, казалось, не было нарушено в нашей семейной идиллии, а я просто надумала себе несуществующую проблему.

- Что такое, Лори? – улыбнулся он, в его ясных голубых глазах заблестели лучики смеха, словно я веду себя как ребенок. – Встречались на нейтральной территории. Ты что, искала меня в офисе? Глупенькая, - успокаивающе чмокнул он меня в лоб, скинул ботинки и подал мне в руки сумку и мольберт. – Не о чем было волноваться.

Растерянно моргая, я вдруг почувствовала себя виноватой в том, что плохо подумала о муже. Как я могла поверить в то, что Малкольм променял меня на другую? Ни разу за шестнадцать лет он не давал мне повода усомниться в нем!

Мой потрясенный разум уцепился за возможность вернуть мир в семью. Язык не поворачивался задавать вопросы: я не хотела устраивать ссору и прослыть истеричной и ревнивой женой, такой как другие. Мы с мужем всегда доверяли друг другу.

- Ладно, пойду в парк, - согласилась я, неуверенно улыбнувшись в ответ.

- Не задерживайся, - кивнул муж, подарив мне широкую и открытую улыбку.

Было трудно решить, что Малкольм способен обманывать меня столь цинично. Глядя на его честное и спокойное лицо, хотелось верить ему безоговорочно.

Запала хватило ненадолго. Стоило оказаться в парке, и сомнения вернулись с удвоенной силой. Лихорадочно вспоминая события сегодняшнего дня, я приходила попеременно то к одному выводу, то к другому. Вот же Малкольм, с такими живыми и искренними глазами, смотрит на меня влюбленно, почти как в день нашей свадьбы – идеальный муж, о котором только можно мечтать! Но стоило припомнить иссиня-черную «бмв» возле отеля, и тяжелая волна депрессии накатывала на меня.

В конце концов я сдалась: села на скамейку, опустила лицо в ладони и расплакалась. Руки дрожали, а душа отчаянно страдала: с горечью я осознала, что моя жизнь теперь не будет прежней. Даже если я на этот раз поверю Малкольму, сердце начнет точить вечный червь сомнения, пока не разрушит изнутри. Я буду постоянно искать признаки измены, следить за распорядком дня мужа, подозревать. Мой идеальный счастливый брак больше никогда не будет идеальным...

Услышав знакомое равномерное поскрипывание снега, я поняла, что мой бегун привычно появился в парке, но сейчас уже не воспринимала его появление как нечто опасное и прекрасное, вдохновляющее писать потрясающие пейзажи, наполненные только мне понятным глубоким смыслом. Меня тошнило от неизвестности и боли.

Шаги неуверенно замедлились и вовсе прекратились. Я зарыдала сильнее, догадавшись, что мужчина направился ко мне. Хотела сдержаться, но не могла. И даже когда разгоряченная ладонь осторожно легла мне на спину, не подняла голову.

Часть 5

Он молчал, позволяя мне выплакаться. И упорно не уходил. Я не знала его имени, не представляла, хороший ли он человек, но была благодарна за поддержку, чем бы она ни была продиктована.

Когда слезы выдохлись, я вытерла лицо. И только тогда он задал вопрос:

- Что случилось?

Голос был тихим, полным сочувствия и какой-то непоколебимой властности – так разговаривает с пациентом врач, точно знающий, что способен помочь.

- Не думаю, что вам это интересно, - возразила я, не желая обременять незнакомого человека своими проблемами.

- Я все еще здесь, - настоял он, заставив меня вздохнуть от необъяснимого облегчения. Какой-то части меня *хотелось*, чтобы он так ответил, даже если наше общение было неправильным от начала и до конца.

Я закусила губу, колеблясь в нерешительности. Но ласковое поглаживание по спине, чуть было не заставившее меня вновь расплакаться, оказалось убедительным.

- Я думаю, что муж мне изменяет, - прошептала я, все еще не решаясь поднять глаза на мужчину: боялась растерять присутствие духа и не хотела, чтобы он видел меня такой жалкой и беспомощной. Голос снова задрожал, не только от слез, но и от обиды: - Сегодня видела его машину возле отеля, который популярен среди неверных пар. Но муж уверяет, что там проходила конференция. Это возможно? Деловые встречи устраивают в отелях?

- Может быть, - мрачно предположил бегун. – Есть способ проверить это точно.

- Проверить? Как? – всплеснула я рукой, не представляя, чтобы я смогла прийти на ресепшен и потребовать записи обо всех посещениях. - Разве это не закрытая информация?

- Для вас – да, но для меня – нет.

- И кто вы? – почти успокоившись, но испытывая сильное опустошение, пробормотала я.

- Частный детектив.

Это заставило меня повернуть, наконец, голову. Яркие глаза цвета серебра смотрели на меня серьезно и сосредоточенно, ладонь все еще оставалась на моей сгорбленной спине, утешая так хорошо, будто обладала волшебным свойством физически забирать горе.

- Один мой школьный приятель стал копом, - нехстати вспомнила я, шмыгнув носом.

Бегун приподнял уголки четко очерченных губ.

- Тогда вы знаете, что мне можно довериться, - резюмировал он. Его толстовка еще не успела намокнуть от пота, и я могла ощутить, как божественно пахнет его чистая кожа.

- Смотрите, что можно сделать, - по-деловому сдвинул брови он, сложив ладони перед собой, и я судорожно вздохнула от потери контакта с его рукой, потому что ко мне тут же вернулось это ужасное чувство боли и одиночества. – Если с отелем ничего не срастется, я могу установить за вашим мужем слежку. Если у него есть любовница, рано или поздно я это обнаружу.

- Мне нужно будет вам заплатить? – робко предположила я.

Он немного смутился.

- Это проблема?

- Нет-нет, у меня есть деньги, - поспешила я кивнуть, - просто не уверена, что хочу знать правду...

Мужчина приподнял бровь.

- Предпочитаете плакать ночами, терзаясь подозрениями всю оставшуюся жизнь? Не доверять мужу, беспокоиться, когда он задерживается на работе? С моей помощью вы будете точно знать, есть ли у него скелеты в шкафу. Если он действительно вам изменяет, тогда и подумаете, что делать с этим. А если это не подтвердится, доверие и спокойствие полностью вернутся в ваш брак. Решение, конечно, за вами.

Я вздохнула, заставив себя сосредоточиться на желаниях и последствиях. Закрывает глаза и представила, как вернусь сегодня домой, лягу в постель и буду мучиться мыслями о том, не обнимал ли Малкольм другую. Всякий раз буду принохиваться, когда он приходит с работы, боясь уловить запах чужих женских духов. Присматриваться к следам губной помады на белой рубашке. Каждую минуту каждого дня буду гадать, работает Малкольм или встречается с очередной женщиной. Нет, такая жизнь не для меня. Детектив прав, я должна узнать любую правду, даже если она мне не понравится и разрушит мой привычный счастливый мирок. Но зато если я надумала проблему, то посмеюсь и забуду этот нелепый случай, и все снова будет хорошо.

- Я согласна, - взглянула я в выжидающие серые глаза, отметив не без досады, что теперь, когда я узнала профессию бегуна, он стал еще сильнее привлекать меня. Красивый мужчина, готовый помочь плачущей на скамейке незнакомке, да еще и борец со злом, как тут устоять, особенно женщине, оказавшейся в трудном положении? Мне будет очень трудно смотреть в его выразительные глаза и оставаться равнодушной. Трудно скрывать свой необъяснимый интерес, но я должна. Ни за что и никогда я не смогу обманывать мужа, даже если окажется, что он обманывает меня.

- Леонард Марбас, - протянул он мне ладонь для рукопожатия.

- Лора Грей, приятно познакомиться, - улыбнулась я, ощутив его удивительно горячую кожу, словно зимний мороз был ему нипочем. Я-то давным-давно уже до костей продрогла.

- Мне тоже очень... приятно, - задержал на мне странный взгляд детектив, заставив смутиться собственных мыслей – теперь мне казалось, что он видит меня насквозь.

- Что ж, Лора, мне нужен номер вашего телефона для связи и вся известная информация о муже – кем работает, где бывает, - поднялся Леонард, помогая мне встать со скамейки и, как истинный джентльмен, забирая себе тяжелую сумку и мольберт. – Предлагаю пойти в какое-нибудь ближайшее уютное кафе, где я угощу вас горячим чаем – он позволит вам успокоиться и рассказать мне все.

Часть 6

Дни потянулись за днями. Успокоенная обещанием Леонарда, я смогла вернуться в привычную колею: рисовать пейзажи и портреты, контролировать учебу дочери и ее неуместный «роман», провожать мужа на работу и встречать его по вечерам, научившись скрывать недоверие за улыбкой.

Раз в несколько дней детектив Марбас присылал мне «смс» о том, что новостей пока нет. И чем дольше измена не подтверждалась, тем сильнее была вероятность того, что Малкольм верен мне.

Тропинка парка теперь пустовала: детектив занимался слежкой и на бег не осталось времени. Пару раз я, не удержавшись, звонила ему сама, чтобы услышать хриловатый голос, напоминающий мне о юности и первой влюбленности, том прекрасном чувстве, которое теперь было уничтожено подозрениями. В такие моменты Леонард вежливо уточнял:

- Хотите продолжать слежку или мне прекратить?

- А вы что посоветуете? – смущалась я, чувствуя вину перед Малкольмом за то, что делаю за его спиной, но в то же время не желая обрывать связь с Лео.

Знала, что это неправильно и я поступаю ничуть не лучше мужа, привязываясь к другому мужчине, но я не собиралась доводить ситуацию до факта измены. Просто общение с сероглазым детективом, даже через короткие диалоги и текстовые сообщения, дарило ощущение утерянного счастья, и невозможно было от него отказаться.

В этом было что-то почти мистическое – в том, как быстро и безо всяких оснований бегун занял место в моем сердце, вытесняя все остальные чувства. Он ведь был всего лишь моей музой – просто размытым силуэтом на полотне, дополняющим пейзаж штрихом. Каким-то непостижимым образом этот силуэт стал ярче, обрел четкие контуры, лицо, голос и характер и теперь превратился в реального человека. Он будто вышел прямо из моей картины в этот мир. Словно я нарисовала его лично для себя, поэтому-то он и был во всем идеален.

- Не все мужчины ищут секса на стороне каждый день, - объяснял, тем временем, Лео, - многие из них довольствуются короткими интрижками. Чтобы поймать такого с поличным, необходимо время.

- Тогда продолжайте, - соглашалась я, не желая оставаться в неведении. Что Малкольм делал в отеле «Годфри», выяснить так и не удалось – номер был забронирован не на него, он мог навещать друга или же в самом деле прийти на маленькую неофициальную конференцию.

Пару раз Леонард приходил в парк, где я рисовала, тогда я собирала мольберт и мы отправлялись в кафе «Ангел&Демон», где подавали восхитительный имбирный чай и булочки с заварным кремом. Мужчина вел себя безупречно, не флиртовал и не позволял себе никаких вольностей, но иногда мне казалось, что он чересчур внимательно и долго разглядывает меня, будто видит что-то, чего не видят другие. Иногда его рука оказывалась слишком близко от моей, и в этом жесте мне мерещилось не только утешение. Но Лео ни разу не пытался взять меня за руку или коснуться, лишь смотрел и охотно слушал истории из моей жизни, казавши-

еся мне самой тривиальными и блеклыми. Ну что любопытного может рассказать обыкновенная домохозяйка?

Впрочем, это могли быть издержки его профессии: он привык изучать и оценивать людей. Я страшно боялась, что он заметит мой тщательно скрываемый интерес, поэтому вела себя осторожно и сдержанно и всегда соблюдала дистанцию. Хотя порой становилось невыносимо трудно прятать чувства, которые его присутствие во мне вызывало – волнение, возбуждение и страх.

Спустя месяц я вновь столкнулась с машиной мужа в непривычном месте. И снова меня привел туда Кевин. Строго контролируя дочь, я забирала ее теперь из школы сама, но несколько раз ей удавалось улизнуть, послушавшись меня. Вот и на этот раз, добравшись до школы, я успела увидеть, как Лесли вновь садится на байк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.